

А.С. Черняев. «Как родилась идея Рейкьявика? Во второй половине августа Горбачев поехал в отпуск в Крым, еще не на ту дачу, которая потом “прославилась” в связи с путчем. Эта была рядом с Ливадией. Взял меня впервые с собой. Я заменил там, по существу, всю “канцелярию” и всех помощников по любым вопросам. Регулярно перед обедом я приходил к нему на террасу или в кабинет. Разбирали поступившую почту, шифровки из-за границы. Он принимал решения по звонкам и прочей информации из Москвы и других мест. Давал поручения.

В один из первых дней на отдыхе он потребовал, чтобы МИД представил ему концепцию его новой встречи с Рейганом. Шеварднадзе тогда тоже был в отпуске. “На хозяйстве” в МИДЕ оставался его первый зам – Анатолий Гаврилович Ковалев.

Через некоторое время пришла, как у нас выражались, “бумага”. Принес я ее Михаилу Сергеевичу. Помню, был особенно жаркий день. Горбачев сидел в плетеном кресле, в шортах. Поговорили о пустяках, потом я протянул ему “бумагу”: вот, мол, результат Вашего поручения. Он взял, внимательно прочитал. Бросил на стол. Смотрит на меня: “Ну, что?”. Я в ответ: “Не то, Михаил Сергеевич!”. Он: “Да просто деръмо!”. Стал рассуждать. Потом говорит: “Пиши: немедленно подготовить мое письмо Президенту Соединенных Штатов с предложением встретиться в конце сентября – начале октября либо в Лондоне, либо, – помолчал немножко, – в Рейкьявике”. Я вытаращил глаза. Спрашиваю: “Почему в Рейкьявике?”. Он: “Ничего, ничего: на попутки от нас и от них, и не обидно другим великим державам!”.

Поворчал по поводу того, что, несмотря на хороший большой разговор, который состоялся у него с коллективом МИДа в мае, когда люди говорили откровенно, показали себя и профессионалами, и преданными делу, тем не менее мыслить по-крупному не привыкли, ковыряются в деталях, боятся, как бы не обвинили в уступчивости, в потере лица. Нет широкого шага. А без этого большой политики не получится. Что-то в этом роде он говорил. Пометки я себе вечером сделал.

В этот же день я позвонил Ковалеву и передал ему поручение. Одновременно – задание МИДу от Горбачева начать разрабатывать конкретику для бесед с Рейганом по всем вопросам, и в первую очередь по разоруженческим.

Через некоторое время такая заготовка из МИДа поступила. Ответом было мое письмо Ковалеву, которое привожу полностью.

“Я присутствовал при рождении замысла Рейкьявика, был первым слушателем того, как Михаил Сергеевич формулировал основные идеи для этой встречи.

Кстати, из-за моей ошибки то, что было предназначено для самого Рейкьявика, чуть было не попало в послание к Рейгану, которое должен был вручить т. Шеварднадзе. Но Михаил Сергеевич вовремя заметил это. Я это говорю к тому, что некоторые товарищи, которые сейчас готовят Рейкьявик, имели идеи М.С. даже в надиктованном виде.

И вот в свете того, что мне известно, каково мое впечатление о том, что подготовлено в эти дни.

Мне кажется, что готовится не то, что имел в виду Генеральный секретарь для своей встречи. Скорее, готовятся к тому, что может быть после Рейкьявика.

По существу, разрабатывается очередная инструкция для товарища Карпова, а не масштабная политическая платформа для Генерального секретаря. Телегу опять ставим впереди лошади. Могут сказать, что, прежде чем запрягать лошадь, надо загрузить телегу выгодным нам товаром. Однако у т. Ахромеева этот товар имеется, наверное, на все возможные варианты, и он может загрузить ее, разбуди его хоть среди ночи. Но он, наверное, сначала спросит: в каком направлении поедем и далеко ли? А вот этого-то как раз пока нет.

Не ощущается и нового мышления, съездовского подхода к проблеме войны и мира.

По-моему, сама посылка не та. В ответах «Руде Право» (*ответы М.С. Горбачева на вопросы главного редактора газеты «Руде Право» Зденека Горжени «Правда» опубликовала 9 сентября 1986 года*) Михаил Сергеевич, приведя аргументы, задал вопрос: “Судя по поведению американцев, что же получается? Что они, собираются вести войну?”. Так вот, мне кажется, что такой же вопрос можно задать и авторам нашего проекта. Мы что, тоже собираемся вести войну?

Конечно, у военных своя логика, их положение обязывает держать политиков за фалды. Но это не значит, что военные подсчеты должны определять генеральную политику.

Логика, которая вытекает из съезда, состоит в том, что при правильной политике – всякой: внутренней, внешней, экономической, короче, при последовательной съездовской политике – войны не будет. Вот на этом должны строиться и наши военные расчеты, и, кстати, наши военные расходы (но это уже другой вопрос).

А что получается по этому документу? О программе 15 января вообще забыли, а ведь там установка на ликвидацию всего ядерного оружия к концу века. Поэтому и вопрос о сокращении стратегического оружия отодвинут куда-то на предпоследнее место. А ведь пока здесь – главная опасность для человечества. И об этом во всеуслышание неоднократно говорил М.С.

А какова тактика документа? Она тоже далека от логики, которая, казалось бы, вытекает из философии съезда.

С помощью всяких промежуточных вариантов мы пытаемся добиться того, чтобы Рейган пошел на уступки. Ничего из этого не выйдет. Изменит он свою позицию только в том случае, если мы перетянем на свою сторону Западную Европу и, если мы и дальше будем умело натравливать на Рейгана мировое общественное мнение. Но, оставляя СС-20 в Европе, мы Западную Европу на свою сторону не получим. И, кроме того, неужели товарищи всерьез верят, что Тэтчер, Миттеран или тот, кто придет вместо них, могут при какой-

то фантастической ситуации нажать кнопки своих ракет против нас? Неужели это лежит в основе нашей европейской стратегии?

Ехать в Рейкьявик с небольшими подвижками по сравнению с тем, о чем в течение года переговариваются наши товарищи с американцами в Женеве, – значит обречь эту встречу на неудачу, вызвать всеобщее разочарование.

Встреча в Рейкьявике рассчитана не на специалистов, разбирающихся во всех тонкостях современного оружия, – она рассчитана на народы и государства, на мировое сообщество.

Поэтому на первом плане должна быть большая политика, а не переговорные детали.

Из Рейкьявика мир должен услышать крупные, политические, масштабные предложения в духе программы 15 января.

Собственно, и формулировка директив, которые будут даны ведомствам, должна звучать крупно и понятно для всех. Ведь они будут опубликованы, во всяком случае станут известны”».